

Лимонад – Михаил Михайлович Зощенко

Я, конечно, человек непьющий. Ежели другой раз и выпью, то мало – так, приличия ради или славную компанию поддержать.

Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет. Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверть выкушал.

Но это было в молодые, крепкие годы, когда сердце отчаянно в груди билось и в голове мелькали разные мысли.

А теперь старею.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ Птицын, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал.

– У вас, – говорит, – полная девальвация. Где, – говорит, – печень, где мочевого пузыря, распознать, – говорит, – нет никакой возможности. Очень, – говорит, – вы сносились.

Хотел я этого фельдшера побить, но после остыл к нему.

“Дай, – думаю, – сперва к хорошему врачу схожу, удостоверюсь”.

Врач никакой девальвации не нашел.

– Органы, – говорит, – у вас довольно в аккуратном виде. И пузырь, – говорит, – вполне порядочный и не протекает. Что касается сердца – то оно очень еще отличное, даже, –

говорит, - шире, чем надо. Но, - говорит, - пить вы перестаньте, иначе очень просто смерть может приключиться.

А помирать, конечно, мне неохота. Я жить люблю. Я человек еще молодой. Мне только-только в начале нэпа сорок три года стукнуло. Можно сказать, в полном расцвете сил и здоровья. И сердце в груди широкое. И пузырь, главное, не протекает. С таким пузырем жить да радоваться. “Надо, - думаю, - в самом деле пить бросить”. Взял и бросил.

Не пью и не пью. Час не пью, два не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую.

Покушал суп. Начал вареное мясо кушать - охота выпить. “Заместо, - думаю, - острых напитков попрошу чего-нибудь помягче - нарзану или же лимонаду”. Зову:

- Эй, - говорю, - который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонаду на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись, водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за черт! Налил остатки — самая настоящая водка.

- Неси, - кричу, - еще!

“Вот, - думаю, - поперло-то!”

Приносит еще.

Попробовал еще. Никакого сомнения не осталось - самая натуральная.

После, когда деньги заплатил, замечание все-таки сделал.

- Я, - говорю, - лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

- Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим - потребителя нету.

- Неси, - говорю, - еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится - жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться.

*** **

Jo, si capìs, o soi astemi. Salacor cualchi volte o bêt ancje, ma pôc, cussì, par no jessi salvadi o par tignî sù la companie. Plui di dôs butiliis tune volte no mi capite mai di bevilis. La salût no mal permet. Une volte, mi visi, la dî che o finîvi i agns, mi soi bevût un boçon.

Ma dut chest tai agns de zoventût, de gaiardece, cuant che il cûr al bateve imburît tal pet e tal cjâf a smaltavin altris pinsîrs.

Cumò o ven vecjo.

Un aprendist veterinari gno cognossint, il copari Pticyr, mi à visitât pôc timp indaûr, e cjalaît, al à cjapât un spac. I à tacâts i sgrisui.

- Lui - al dîs - al à une complete debilitazion. Dulà isal - al dîs - il fiât, dulà la vissie, nol è pussibil - al dîs - nancje discerni. Al è - al dîs - propit fruçât.

Mi vignive voie di dâi un frac a di chel aprendist, ma dopo mi soi calmât.

“Dai - o pensi - come prime robe, anin di un miedi brâf, par sincerâsi”.

Il miedi nol à cjatade nissune debilitazion.

- I orghins - al dîs - ju à in condizion avonde pulide. E la vissie - al dîs - dal dut a plomp, e nol piert aghe. Par ce che al inten il cûr, al è ancjemò perfet, ancje - al dîs - plui larc di ce che al scugne. Ma - al dîs - fermaîsi di bevi, che se di no la muart e pues rivâ une vore in curt.

E di murî, si capìs, no 'nd ai voie. Mi plâs vivi. O soi un om ancjemò zovin. O ai fat cuarentetrê agns juste juste al inizi de NEP. Si pos dî, tal plen sflurî des fuarcis e de salût. E il cûr tal pet al è larc. La vissie, sore dut, no fâs aghe. Cuntune vissie cussì no si po no gjoldi la vite. “Tocje - o pensi - molâ il bevi”. Det e fat.

No bêt e no bêt. No bêt une ore, no bêt dôs. A lis cinc di sere o soi lâf, si capìs, a gustâ in mense.

O mangjât un zuf. O scomenci cu la cjar, mi ven voie di bevi. “Invezit - o pensi - di bevandis alcolichis o domandi alc altri mancûl fuart: aghe minerâl, o une limonade”. O clami.

- Ei, - o dîs - tu che tu mi âs puartât il plat, puarte ca, cjâf di gjaline, une limonade.

A mi puartin, si capìs, la limonade suntune quantiere siorone. Tune carafe. Lu met te tace. Mi bêt la tace, o cerci. Sint ca, vodke. O ai tornât a meti. Gjo, vodke. Ce dal diaul. O ai metut ce che al mancjave: vere vodke arude.

- Puarte - i berli - ancjemò.

“Cjo, - o pensi - al è lâ t jù po!”

Mi puarte une altre.

O ai tornât a cerçâ. No mi reste dubi: la plui sclete.

Dopo, cuant che o ai paiât, o ai fat dut cês une osservazion.

- Jo - o dîs - o ai domandât une limonade, e tu ce mi puartistu, cjâf di gjaline?

Chel al dîs:

- E ma chi di nô cheste le clamìn simpri limonade. Une peraule da dut legâl. Ancjemò in chês volte... e la limonade vere, domandi scuse, ma no le vin. No son i aventôrs.

- Puartimi ancjemò - o dîs - la ultime.

E insome no ai smetût. E o volevi a fuart. Ma lis circostancis no àn judât. Come che si dîs: la vite e dete leç. Al vûl ubidît.

***Conte par rus di “Michail Michajlovič Zòščenko” (1925),
voltade par furlan di Pablo Gortan***